

УДК 911.3

ЭТНИЧЕСКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ И ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ

© 2016 г. А.Р. Бубнова

Институт географии РАН, Москва, Россия
e-mail: azbubnova@mail.ru

Поступила в редакцию 14.11.2014 г.

“Знание должно быть неполным, но целостным”
Ю.А. Шрейдер

Рассмотрены и обсуждены терминологические основы и смысловое наполнение понятий этнической ментальности и традиционное природопользование. Автор полагает, что этническая ментальность, как всякое порождение этнической традиции, глубоко архетипична и наполнена сакральным содержанием. Показано, что как этническая ментальность является фактором развития традиционного природопользования, так в равной степени и традиционное природопользование есть одна из ведущих причин эволюции ментальности этносов. Обсуждены системные характеристики и элементный состав этнической ментальности и традиционного природопользования. Автор считает, что этническая ментальность и традиционное природопользование – это две ипостаси общения человека и природы и вместе с тем порождения этого общения. Этническая ментальность создает условия эстетического, этического, духовного вхождения человека в природу, воссоединения с ней. Традиционное же природопользование – это исторически сложившиеся и выверенные взаимоотношения между обществом и географической средой, в результате которых образуется не только материальный, но и духовный мир месторазвития этнических сообществ, в котором географическая среда является не только сферой развития всех форм их пространственной организации и источником необходимых для жизни природных ресурсов, но и во многом определяет тип хозяйства, привычки и обычаи людей. Сделан вывод, что экологическая этика настоящего и будущего должна базироваться на изначально природоохранной традиционной этнической ментальности и на рациональном природопользовании, основу которого должно составлять исторически сложившееся и выверенное традиционное природопользование.

Ключевые слова: этническая ментальность, традиционное природопользование, географическая среда, традиционная культура, этнос, этническая традиция, архетипы, смысл, священное, теория систем, законы композиции, экологическая этика.

Почему и по сей день горцам не нравится тундра, татарам не комфортно в лесу, традиционные мордовские поселения обычно не расположены в степи, а ханты и манси не влекут горы? Вроде бы все они принадлежат к одной расе, имеют в настоящее время соизмеримые образование и доход, а также обладают сходным набором коммуникативных средств (единый язык межкультурного общения – русский, транспорт, печать, телевидение и т.п.), обеспечивающих им современную жизнедеятельность. Все дело в принципиальном различии у них так называемой *этнической ментальности* – коллективно-личностного идеального (нематериального) образования, которое в большинстве случаев и определяет подсознательную реакцию этнических сообществ и отдельных их

представителей на окружающую, в том числе географическую реальность. Итак, в первом приближении этническую ментальность можно рассматривать как отражение интегрального этнического опыта в сознании как конкретной личности, так и этноса в целом.

Интересно, что термин *ментальность* имеет свои корни едва ли не в первых философских памятниках человечества. Корень “mens” присутствует в санскрите и встречается в Упанишадах в значении “связанный с сознанием”, “мыслительный”, “духовный” [9]. Заметим, что представители французской исторической школы “Анналов” (М. Блок, Л. Февр и др.) считали, что ментальность находится глубже таких форм человеческого

бытия, как мышление, нормы поведения, сфера чувств; это – некая предрасположенность.

Мы полагаем, что одной из важнейших задач в изучении этнической ментальности различных народов является раскрытие смысловой, душевной жизни личности, ценностных ориентаций человека, а этого можно достичь не путем объяснения, а путем понимания.

Смысловое наполнение и терминологические основы понятий этническая ментальность и традиционное природопользование. Этническая ментальность представляет собой аксиологическую систему этнического бытия, т.е. систему ценностей, включающую глубинные установки, духовные ценности и идеалы, латентные привычки и обычаи, долговременные стереотипы, которые и определяют основные принципы как личностного, так и коллективного образа жизни и восприятия мира. В основе этнической ментальности лежат устойчивые образы – архетипы [29], являющиеся структурообразующей частью коллективного бессознательного этносов. Согласно К.Г. Юнгу “коллективное бессознательное ... образует всеобщее основание душевной жизни каждого, будучи по природе сверхличным” [29, с. 98], это “открытая миру и равная ему по широте объективность” [29, с. 112]. Содержания коллективного бессознательного – архетипы – К.Г. Юнг описывал как бессознательную пресуществующую форму, являющуюся частью наследственной структуры психического бытия, как глубинные образы, установки, с трудом поддающиеся изменениям. Они “являются комплексами переживаний, вступающих в личную жизнь и воздействующих на нее как судьба” [29, с. 119]. Итак, этническая ментальность включает в себя исторически устойчивые архаические и традиционные архетипические представления-образы, посредством которых происходит восприятие этническими сообществами основных аспектов реальности (ландшафта, природопользования, народов-соседей, культуры, веры и т.п.). По мнению О.В. Фокиной [25], психоповеденческие архетипы возникают уже на первых этапах формирования этноса. В дальнейшем они модифицируются. Но через связь времен сохраняется определенный психоповеденческий вариант, который реализуется на общей языковой, культурной и морально-этической основе. Он дает возможность народу сохранить самотождественность во всех исторических перипетиях, пронести сквозь время обязательный признак этноса – этическое самосознание. Это и есть сложно уловимый

гегелевский “дух народа”, фиксируемый на уровне архетипов.

Ядром феномена этнической ментальности, ее основой является понятие “смысл” [9 и др.]. Связь ментальности человека и природы происходит через деятельность, имеющую смысл для того или иного этноса. По большому счету, разница способов и форм полагания смысла, иначе говоря, способов совмещения смысла и реальности, отличает одну этническую культуру от другой.

Этническая ментальность близка к понятию *традиционное сознание* [14], то есть это система мировоззрения и мироощущения, основанная на этнической картине мира¹, включающая в себя представления о приоритетах, нормах и моделях поведения и передающаяся посредством этнической социализации – процесса непрерывного освоения этнической культуры каждым новым поколением. Этническая ментальность – это ценностно-смысловое свойство традиционного этнического сознания особым образом отражать и выражать своими проявлениями определенную этническую картину мира. Она выступает как совокупность бессознательных комплексов, как система *этнических констант*², которая является той призмой, сквозь которую человек смотрит на мир.

Этническая ментальность созвучна той трактовке понятия ментальность, которой следовали А.Я. Гуревич и его единомышленники из центра “Человек в истории”: “понятие ментальности означает наличие у людей того или иного общества, принадлежащих к одной культуре, определенного общего “умственного инструментария”, “психологической оснастки”, которая дает им возможность по-своему воспринимать и осознавать свое природное и социальное окружение и самих себя” [8, с. 56–57].

Разумеется, нельзя смешивать понятия этническая ментальность и ментальность вообще. Ментальность может быть не только этнической, но и, к примеру, профессиональной, либо социальной (богема, элиты, интеллигенции; городская и сель-

¹ Этническая картина мира [14 и др.] – это представления человека о мире, сформировавшиеся на основании традиционных культурно-ценностных доминант. Представления эти отчасти осознаваемые, отчасти бессознательные.

² Этнические константы [14] – бессознательные комплексы, складывающиеся в процессе адаптации этноса к окружающей природно-социальной среде и выполняющие в этнической культуре роль основных механизмов, ответственных за психологическую адаптацию этноса к окружающей среде. Они представляют собой определенную и постоянную на протяжении всей жизни этноса форму упорядочивания опыта.

ская; столичная и провинциальная ментальность и т.п.).

Понятие этническая ментальность, как и ментальность вообще, по смысловой нагрузке близко к понятию *менталитет* – “системе элементов духовной жизни и мировосприятия, предопределяющей соответствующие стереотипы поведения, деятельности, образа жизни социальных общностей” [12, с. 383–385]. Согласно А. Я. Гуревичу и его последователям менталитет [8] – это некая интегральная характеристика людей, живущих в отдельной этнической культуре, которая позволяет описать своеобразие видения этими людьми (этносом) окружающего мира и объяснить специфику их реагирования на него.

На взгляд Ю. В. Чернявской [27], одна из задач современной культуры – соединение прогресса индустриальной эры со стабильностью традиционных обществ. Сама ментальность этноса является причиной того, что в нем приживаются далеко не все инновации (особенно заимствования). Все нововведения проходят своеобразный отбор с точки зрения их соответствия ментальным установкам и традиционным ценностям; они принимаются или отторгаются в зависимости от того, насколько “новое” соответствует “старому”. “Победившей инновации” требуется “освященность стариной”, которая нередко изыскивается в сакральных текстах. Так, М. Ганди понимал, что включение инновации нельзя считать полным, пока заимствование не будет рассматриваться не просто как современное, но и как традиционное – заимствование должно стать “древним”. Если исходить из того, что этническая ментальность – это характеристика смыслового пространства людей, живущих в единой этнической культуре, то сакральное наполнение этой категории огромно, так как в *ядре любой этнической культуры лежит понятие “священное”*.

Этническая ментальность обычно реализована в своеобразном стереотипе поведения, мироощущения, миропребывания, которому представители этноса следуют практически автоматически. Основа этнической ментальности – *этническая традиция* – это совокупность смысловых кодов, контуров, которые формируют пределы устройства культурного порядка этнических миров. Она отвечает за “законченность” формы этнокультурного мира, за его оптимальное функционирование в реальном мире. По Р. Генону традиция – это всеобъемлющий универсальный императив, подчиняющий себе не просто отдельные сферы жизни – религии, морали, быта и т.д., но и всю совокупность земной и, шире, космической ре-

альности. Этническая традиция всегда имеет свой первоисточник в прошлом, историческом или мифическом, и деятельность, работа традиции подчинена задаче сбережения этой первоисходной святыни, точнее сохранению, воспроизводству и восстановлению верного к ней отношения [16]. Этническая традиция включает в себя сакральные, культурные и мировоззренческие устои, оригинальное мироощущение, исторически сложившиеся формы хозяйственной деятельности и иные черты, присущие только данному этносу. Заметим, что мироощущение является подсознательной реакцией сообщества людей или отдельного индивида на окружающую реальность и формируется под влиянием, в том числе, и природной среды. Л. Н. Гумилев был вообще категоричен в этом вопросе и считал, что нет никакого другого решающего фактора для формирования своеобразия этноса, кроме окружающей природной среды или вмещающего ландшафта [7]. По мнению Л. Н. Гумилева и его последователей, формирование этносов следует рассматривать как приспособление определенной части человеческой популяции к конкретной географической среде, адаптации в ней. Последняя выступает миром обитания этнических сообществ, сферой развития всех форм их пространственной организации, источником необходимых для жизни природных ресурсов. Между географической средой и населением устанавливаются неразрывные обратные системные связи. Сообщества перестраивают географическую среду так, как это нужно для их хозяйства и социальной организации. В свою очередь, географическая среда во многом определяет тип хозяйства, привычки и обычаи людей. Она оказывает физическое, биологическое, эстетическое, психологическое воздействие на человека. Этот системный процесс взаимодействия природы и общества, по нашему мнению, и есть не что иное, как реальное природопользование.

Традиционное природопользование – исторически сложившиеся способы освоения окружающей природной среды на основе долговременного, экологически сбалансированного пользования возобновляемыми природными ресурсами без подрыва способности к устойчивому воспроизводству и снижения разнообразия природных ресурсов [19]. Последняя формулировка особенно привлекательна тем, что в ней введены понятие “традиция”, предполагающее, в том числе, специфические способы освоения окружающей природной среды, и концептуально верное положение, что основа природопользования заключается в долговременном, экологически сбалансированном использовании возобновляемыми природными ре-

сурсами. Часто формулировки термина *природопользование* больше соответствуют понятию “природопотребление”. Так, например, в одном словаре утверждается, что “Природопользование – ... сфера общественно-производственной деятельности, направленной на удовлетворение потребностей человечества с помощью природных ресурсов...” [3]. В другом словаре сказано, что “Природопользование – хозяйственно-экономическая деятельность по использованию природных богатств для создания материальных ценностей, жизненных благ” [18] и т.п.

Нельзя смешивать два понятия – традиционное природопользование и исторически сложившиеся способы использования природных ресурсов и формы этнической хозяйственной деятельности (СФЭХД). Они с очевидностью соотносятся как часть (СФЭХД) и целое (традиционное природопользование). Базовые признаки СФЭХД, на примере народов Крайнего Севера, логично классифицировал А. Н. Ямсков [30]: 1) типы используемых природных ресурсов (дикие животные, рыба, естественная растительность и т.п.); 2) типы трудовой деятельности (пастьба оленей, добыча диких животных, лов рыбы и т.п.); 3) используемая территория или акватория (пастбищные, охотничьи, рыболовные угодья, места сбора пищевых, лекарственных и других природных ресурсов); 4) типы получаемой первичной продукции (мясо, шкуры, рыба и т.п.). Традиционное же природопользование как органичное порождение этнической традиции изначально глубоко сакрализовано. Сакрум – душа традиционного природопользования; СФЭХД – его тело. Этногеография народов мира являет массу примеров, подтверждающих это положение – от сохранившихся до настоящего времени в том или ином виде у различных этносов (особенно у северных народов и аборигенов Австралии) древнейших архаических форм почитания животных (тотемизма, промыслового культа и др.) и особых охранных форм отношения к животным и растениям, до сакральных земледельческих обрядов традиционных аграрных этнических культур (народы Поволжья, Сибири и т.д.) [1; 4; 13; 20 и др.]. Отношение человека традиционной культуры к “использованию природных ресурсов” удивительно точно определил в 1854 году великий индейский вождь Сизтл: “Мы знаем: земля не принадлежит человеку, это человек принадлежит земле. ... Человек не ткал полотна жизни, он сам лишь одна из нитей этого полотна. Все, что он делает над этим полотном, он делает над собой” [11, с. 6–7].

На первый взгляд *этническая ментальность* и *традиционное природопользование* вроде бы

должны соотноситься как субъект (*ментальность*) и объект (*природопользование*), что принципиально неверно. Они по сути своей равнозначные и соразмерные глубоко архетипичные и наполненные сакральным содержанием отражения этнической традиции, реализуемые в различных сферах традиционной этнической культуры: этническая ментальность в *социально-психологической* сфере бытия этноса, традиционное же природопользование – в *природно-географической* среде. Их связь с очевидностью субъект–субъектная, что предусматривает их теснейшую взаимообусловленность. Как этническая ментальность является фактором развития традиционного природопользования, так в равной степени и традиционное природопользование есть одна из ведущих причин эволюции ментальности этносов. Связующим звеном между традиционным природопользованием и этнической ментальностью, точнее ареной их комплементарного взаимодействия и взаимообусловленности является сама Природа [1]. Приведем пример, как модификация типа *традиционного этнического природопользования* влияет на *этнотрадиционное сознание*. Переход этносов “степи” (например, татар-мишарей Среднего Поволжья) к оседлому земледелию, т.е. к типу природопользования, не являющемуся для них изначально доминирующим архаическим типом хозяйства, а заимствованным у русских, изменил образ собственной “домашней” природы в их сознании и трансформировал их отношение к “земле-кормилице”. Это отразилось, в частности, в появлении новых обрядов и праздников (молебны послания дождя в засуху, праздник Сабан-туй и т.д.) [4].

Элементный состав и системные характеристики этнической ментальности и традиционного природопользования. *Этническая ментальность* и *традиционное природопользование* в соответствии с принципами фрактального подобия³, должны иметь сходную структуру. Ранее на основе этногеографических и культурологических исследований Среднего Поволжья было показано [4], что традиционное природопользование является неотъемлемой частью традиционных

³ Понятие “фрактал” (лат. fractus – “сломанный, разбитый”) было предложено французским математиком, лауреатом премии Вольфа (1993) Б. Мандельбротом для обозначения нерегулярных, но самоподобных структур: “Фракталом называется структура, состоящая из частей, которые в каком-то смысле подобны целому” [24, с. 19]. Одним из основных свойств фракталов является самоподобие. В идеальном случае любая даже небольшая часть фрактала содержит информацию о всем фрактале.

сельских этнокультурных ландшафтов (ТСЭКЛ)⁴. ТСЭКЛ, как органичная часть этнической традиции, точнее отражение последней в природно-географической среде бытия этносов, состоит из трех подсистем (названных слоями) – *архаической, этнотрадиционной и современной* [4]. Выделенные слои состоят, в свою очередь, из двух подсистем нижнего уровня, названных автохтонными и аллохтонными элементами этнического мира. Любой ТСЭКЛ характеризуется определенным соотношением архаического, этнотрадиционного и современного слоев. Чем больше в соответствующем его компоненте доли *архаического пласта*, тем глубже его сакральная нагрузка. *Этнотрадиционный слой* характеризуется особенно высокой степенью взаимодействия различных этнических культур в формах как взаимопроникновения, так и противостояния. Этнотрадиционный срез характеризуется противостоянием, в первую очередь, сакральных доктрин, противостоянием не только различных культур (верований), но и архаических и традиционных пространств в рамках одной этнической культуры. Степень взаимообусловленности и взаимопроникновения архаических и этнотрадиционных пластов – наиболее сакрализованных составляющих ТСЭКЛ – определяет целостность и внутреннюю гармоничность последних. *Современный слой* ТСЭКЛ часто характеризуется процессами известной десакрализации. *Автохтонные системы* – это “агенты” самоорганизации по схеме “порядок из хаоса” [26], в которых в наивысшей мере проявляются индивидуальные особенности конкретного ТСЭКЛ. Автохтонные системы архаического и этнотрадиционного слоев обычно определяют уровень “сакрализованности” изучаемого компонента ТСЭКЛ, в том числе и традиционного природопользования. *Аллохтонные системы* – это системы, импортированные в виде “строительных блоков” из иной этнической среды по схеме “порядок из порядка” [26]. Значимость аллохтонной подсистемы в конкретном компоненте ТСЭКЛ определяет не только уровень его зависимости от

особенностей ТСЭКЛ иных этнических миров, но и уровень их взаимопроникновения.

На приведенной выше методологической основе нами был проведен анализ традиционного природопользования этнотерриториальных групп Пьянской этноконтактной зоны Среднего Поволжья [4]. Выявлено, что архаическая подсистема природопользования татар-мишарей представлена, главным образом, автохтонными для этого этноса скотоводством и луговым собирательством. Напротив, этнотрадиционная подсистема их природопользования состоит из аллохтонных компонентов (земледелие, птицеводство, бортничество), которые заимствованы в основном у русских (земледелие) и мордвы-эрзя (в первую очередь, бортничество). Современная подсистема природопользования, отчетливо выделяемая на Межпьянском плато лишь для татар-мишарей, не обладает этнической самобытностью и представлена свиноводством и рыбоводством. Более того, свиноводство получило распространение у татар-мишарей вопреки культурно-религиозным традициям мусульманского мира. Архаический слой традиционного природопользования русских представляет собой симбиоз автохтонных (охота, собирательство и рыболовство) и аллохтонных элементов, причем последние заимствованы у финно-угорских (бортничество) и тюркских (скотоводство) народов. Этнотрадиционный слой у русских преимущественно состоит из элементов автохтонной подсистемы (земледелие, птицеводство), причем земледелие в данном случае играет роль доминирующего хозяйственно-культурного типа, соответствующего природно-ландшафтному архетипу русского мира – “река” [4]. Архаический слой природопользования у мордвы-эрзя состоит большей частью из автохтонных компонентов (бортничество, лесное собирательство и рыболовство), за исключением скотоводства, заимствованного ими у тюркских этносов. Этнотрадиционная подсистема природопользования мордвы-эрзя, напротив, состоит, за исключением садоводства, преимущественно из аллохтонных компонентов, представленных земледелием, птицеводством и огородничеством, распространившихся среди них в основном благодаря контактам с русским населением.

Согласно теории систем и “фрактальной логике”, всеми вышеперечисленными подсистемами обладает и этническая ментальность, как органичная часть этнической традиции. Эти подсистемы в ней обладают теми же функциями, что и компоненты ТСЭКЛ, имеют сходную системную нагрузку. Архаической подсистеме традиционного природопользования комплементарен архаический

⁴ Под “традиционным сельским этнокультурным ландшафтом” (ТСЭКЛ) понимается исторически сложившийся сельский культурный ландшафт, образовавшийся в результате взаимодействия конкретного этноса с его культуруобразующим ландшафтом [4]. ТСЭКЛ состоит из семи связанных друг с другом устойчивых компонентов (ранжированы по уровню их сакрального наполнения): (1) святые места поклонения различного ранга; (2) этнические ландшафтные образы; (3) топонимическое пространство; (4) традиционное этническое природопользование; (5) расселенческая система (распределение населения по территории в виде сети поселений); (6) поселенческая система (морфология поселений); (7) характерные особенности жилищ и усадеб.

слой этнической ментальности, этнотрадиционный подсистеме природопользования – этнотрадиционный слой ментальности и т.п. Современный слой этнической ментальности наиболее подвержен изменениям и инновациям, а ряд инноваций прошлых времен законсервирован в этнотрадиционном слое ментальности.

Итак, этническая ментальность разворачивалась в трех временных периодах – в эпохах *Архаики*, *Традиции* и *Современности*. Смена эпох означала смену смысловых парадигм.

Архаический слой этнической ментальности базируется на мифологическом мировоззрении – совокупности архаических представлений, сложившихся в первобытных сообществах на основе образного восприятия мира. Во времена Архаики (греч. ἀρχή – начало) сакрализовано все пространство бытия, в том числе и географическое. Архаическому сознанию свойственно мифопоэтическое восприятие мира, когда все священо, бытие человека теургично (гармоничное соотношение священного и мирского). Этой эпохе свойственен особый тип памяти, включающий в себя как изустную передачу информации от поколения к поколению через миф, так и мощный корпус ландшафтных символов. Возникли представления об одушевленности всего в природе: камней, огня, деревьев и т.п., а также о реинкарнации, о переходе в другую плоть (оборотни и др.) [1]. Бытие культуры осуществлялось через мощную символику, как рукотворную, так и природную, реализованную в ландшафте. Вся земная топография человека имела свою небесную проекцию – сакральную топографию⁵.

Очень поэтично о мифологическом восприятии мира человеком архаики написал К. Г. Юнг: “Мифы – в первую очередь это психические явления, выражающие суть души. Дикарь не склонен к объективному объяснению самых очевидных вещей (не склонен к дискурсу). Напротив, в его душе имеется непреодолимое стремление приспособить весь внешний опыт к душевным событиям. Дикарю недостаточно просто видеть как встает и заходит солнце – эти наблюдения внешнего мира должны быть одновременно психическими событиями, то есть метаморфозы солнца должны представлять судьбу, Бога, героя и т.п., обитающего по сути дела в самой человеческой душе. Все мифологизированные естественные процессы, такие как зима, лето, новолуние, дождь и т.п. не столько аллегория самих объективных явлений, сколь *символические*

выражения внутренней и бессознательной драмы души” [29, с. 100].

Этнотрадиционный слой базируется на религиозном мировоззрении, доминирующем в эпоху Традиции. Ее основное наполнение – письменная культура. Для письменного сознания характерно внимание к причинно-следственным связям, возникновение представления об истории. Письменная культура тяготеет к тому, чтобы рассматривать созданный Богом или Природой мир как Текст и стремится прочесть сообщение, в нем заключенное. Поэтому главный смысл ищется в письменном тексте – сакральном (Библия, Талмуд, Коран и т.п.) или даже научном. Именно в эту эпоху возникают монорелигиозные учения, разворачиваются во всем разнообразии этнические культуры. Появляется коллективная сущность – этнос, формируется этническое сознание как единая семантическая категория, происходит формирование *природно-культурной среды развития этносов* [10].

Отметим, что архаический и традиционный слои этнической ментальности тесно взаимосвязаны друг с другом, как в целом близки взгляды, принципы, оценки, убеждения, видение мира и место в нем человека в рамках мифологического и религиозного мировоззрений.

Современный слой этнической ментальности в идеальном варианте должен базироваться на мировоззрении, в основе которого лежит логическая аргументация. Реалии же сегодняшнего дня говорят о том, что отражение действительности, постижение бытия человеческими сообществами и отдельными индивидами происходит в настоящее время в большей мере на основе так называемого *рационального* сознания. Как метко отметил А. Гармаев, “рациональное сознание человека – это рациональный ум, погруженный в гордость” [5, с. 40]. Как справедливо замечает В. Старковский, “рациональное сознание убеждено в том, что знание всегда прогрессирует в сторону достоверности, а потому самые свежие взгляды всегда представляются рациональному сознанию самыми верными, особенно если их толкование сопровождается околонучной терминологией” [21].

Согласно принципам фрактального подобия все подсистемы “этнической традиции” должны иметь не только сходную структуру, но и подчиняться единым законам, в том числе так называемым *законам композиции*. Согласно аксиоматической теории систем [23] законы композиции или условия, ограничивающие отношения единства или подобия, – это комплекс разрешений и запретов на сочетание элементов в систему. Они задают набор признаков, свойственных лишь данной системе.

⁵ Так например, один из основных пространственных сакральных символов Архаики – Мировое Древо, по мнению В. Н. Топорова [22], является вообще моделью культуры.

Автор полагает, что для этнической традиции в целом, для ТСЭКЛ и традиционного природопользования как органичной его составляющей, законы композиции задаются комплементарным единством трех этнообусловленных факторов: *священных природно-ландшафтных архетипов, исторически сложившихся типов первичной социальной организации и традиционными верованиями* [4]. Кратко раскроем содержание этих факторов.

А) *Священные природно-ландшафтные архетипы*. Определенность и устойчивость смысловых порядков этнического мироустройства определяются архетипами, которые лежат в основе коллективного бессознательного этносов. Из набора глубинных образов, обуславливающих смысловые порядки в этнокультурных мирах, для этногеографа особое значение имеют архетипы, обладающие очевидной природно-ландшафтной нагрузкой. Это в первую очередь четыре первичных природно-ландшафтных архетипа – “лес”, “степь”, “горы”, “река” [4]. Отметим, что в ряде работ, особенно авторов, придерживающихся евразийского направления [7, 17 и др.], понятия “лес” и “степь” выполняют своеобразную структурообразующую функцию, являясь нередко классификационным признаком этнографических сообществ. Первичные архетипы отражаются в ландшафте через священные объекты поклонения. Например, для лесных народов архетип “лес” становится реальностью через священные рощи, а для степняков архетип “степь” – через священные камни и деревья. Для этносов, складывающихся на стыке разных ландшафтов (в предгорных, лесостепных областях и т.п.), коллективное бессознательное содержит сложные природно-ландшафтные архетипы – бинарные (“лес-степь” и т.п.), либо тройные (“лес-река-горы” и т.п.).

Б) *Исторически сложившиеся типы первичной социальной организации*. Практически все этносы претерпели изменения в развитии социальных институтов от архаических (раннеродовая, родовая, соседско-родовая общины) до традиционных (большесемейная и соседская общины) [15]. Именно община долгое время была основным носителем этнической традиции [6] и в значительной мере определяла тип этнической ментальности. В силу как природных, так и культурно-религиозных факторов в коллективном бессознательном этнических сообществ закрепляются исторически сложившиеся типы общинных отношений, что нередко отражено в специфике их поселенческих структур [4 и др.].

В) *Традиционные верования*. Человек традиционных этнических сообществ, по мнению рели-

гиоведа М. Элиаде [28], – в первую очередь homo religiosus. Это отражает объективную историческую реальность, по меньшей мере, до начала XX века.

Все три фактора, влияющие на этническую традицию, взаимообусловлены и определяют самоорганизацию этноса на протяжении его исторического бытия.

Роль и значение отдельных факторов в формировании составных частей этнической традиции нередко различны, что обычно обусловлено отличиями природно-ландшафтных условий месторазвития этносов, а также уровнем и характером взаимодействия этнических культур. Так, например, доминирующую роль в формировании типов традиционного природопользования русских, мордвы-эрзя и татар-мишарей Пьянской этноконтактной зоны Среднего Поволжья [1, 4] сыграли исторически сложившиеся типы социальной организации и природно-ландшафтные архетипы при неакцентированной роли традиционных верований.

Итак, ментальность этносов нередко формировалась в различных, изначально сакрализированных природно-географических средах (“леса”, “горы”, “степи” и т.п.), которые, в свою очередь, стали частью структуры их психического бытия. Иначе говоря, отличия традиционной ментальности, к примеру этносов “леса”, от традиционной ментальности этносов “степи” закрепились на уровне коллективного бессознательного и реализованы в архетипических восприятиях и представлениях этих этносов, при безусловном сакральном благоговейном отношении к *своей* природе; не *своя* же природа для этноса может быть топофобной. К примеру, для татар-мишарей Среднего Поволжья традиционно топофобным является лес.

Другой параметр, определяющий ментальность этносов, – исторически сложившийся тип их социальной организации. Так, ментальность этноса с исторически сложившимися кровно-родственными социальными связями будет существенно отличаться от ментальности этноса, бытие которого исторически определялось общинными отношениями, базирующимися на соседско-большесемейных и тем более территориально-соседских связях.

Третий базовый фактор, влияющий на этническую ментальность, – традиционные верования. Действительно, ментальность этносов, сформированных даже в сходных природно-географических и социальных средах, в большинстве случаев сильно различается, если их представители относятся к разным традиционным конфессиям (православие, ислам, буддизм и др.). Более того, традици-

онные верования могут нарушить целостность “призмы”, сквозь которую этнос постигает мир. Например, в Среднем Поволжье ментальность татар-кряшен разительно отличается от традиционной ментальности татар-мусульман.

Отметим, что выделенные факторы, как органичные части коллективного бессознательного этноса, определяют три сферы его бытия: природно-ландшафтные архетипы – связь человека, живущего в традиционной этнической культуре, с природой; исторически сложившиеся типы социальной организации – связь человека с человеком; традиционные верования – связь человека с Нечесами.

Выводы. Этническая ментальность и традиционное природопользование как отражения этнической традиции находятся в комплементарных субъект-субъектных взаимоотношениях и являются неотъемлемой частью традиционной этнической культуры. Они реализованы в различных ее сферах: этническая ментальность – в социально-психологической сфере бытия этносов, традиционное же природопользование – в природно-географической среде их обитания. Этническая ментальность и традиционное природопользование имеют сходную структуру и подчиняются единым законам композиции.

Этническая ментальность и традиционное природопользование – это две ипостаси общения человека и природы и вместе с тем порождения этого общения.

Этническая ментальность – одна из важнейших сфер психического, мифологического, духовного и сакрального бытия этнических сообществ. Как точно подметил В. В. Бабаянц [2], этническая ментальность формируется в процессе приспособления этноса к окружающей природно-социальной среде и представляет собой внеиндивидуальную сторону духовного мира человека этнических сообществ; это инструмент, посредством которого он познает окружающий его мир.

Традиционное природопользование – это исторически сложившиеся и выверенные взаимоотношения между обществом и географической средой, в результате которых образуется не только материальный, но и духовный мир месторазвития этнических сообществ, в котором географическая среда не только является сферой развития всех форм их пространственной организации и источником важнейших необходимых для жизни природных ресурсов, но и во многом определяет тип хозяйства, привычки и обычаи людей. Этнические сообщества и географическая среда обладают устойчивыми системными связями, что опреде-

ляет их теснейшую взаимообусловленность, взаимопроникновение и взаимозависимость.

Одной из основных функций традиционного природопользования должна быть охрана природы от варварского ее потребления человеком. В совершенном случае традиционное природопользование – это органичный симбиоз человека и природы, когда природа нуждается в человеке и в его деятельности в той же мере, в какой человек нуждается в ее пространствах и богатствах. Человек должен отдавать себя природе, оберегать и любить ее, тем более в процессе активной хозяйственной деятельности. В этом, по нашему мнению, состоит суть отличия истинного природопользования от “природопотребления”.

Вышеприведенные принципы и основы традиционного природопользования должны быть деятельным инструментом экологической политики, как на региональном, так и на государственном уровне, а принципы этнической ментальности – основополагающей базой экологической этики, в том числе экологической этики будущего [1]. Мы убеждены, что экологическая этика настоящего и будущего должна базироваться на рациональном природопользовании, основу которого составляет исторически сложившееся и выверенное традиционное природопользование, и на природоохранной традиционной этнической ментальности, а не на директивных документах государственных и внесоциальных организаций, разного рода книгах и воззваниях. Здесь вся суть в масштабах: традиционное природопользование и этническая ментальность охватывают большие массы человеческих сообществ. В них вовлечены все народы многонационального, многоконфессионального и полиэтнического мира нашей планеты, а не “элитная” его верхушка. Экологическая этика останется лишь словосочетанием, если не будут воспитаны и выращены в человеческом обществе экологическая ментальность и экологическое природопользование. Мы уверены, что целеполаганием экологической этики будущего будет не столько сохранение окружающей среды обитания как таковой, сколько осмысление человеком своего бытия и своего места в мире, который его окружает.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арманд А. Д., Бубнова А. Р., Кайданова О. В. Ментальность как фактор природопользования. М.: ГЕОС, 2013. 158 с.
2. Бабаянц В. В. Межкультурное общение: некоторые аспекты коммуникативных барьеров // Научные труды СевКавГТУ: Сер. Гуманитарные науки.

- Ставрополь: Изд-во СевКавГТУ, 2003. Вып. 8. С. 180–184.
3. Большой энциклопедический словарь. <http://dic.academic.ru>
4. Бубнова А. Р. Самоорганизация традиционного сельского этнокультурного ландшафта Среднего Поволжья. Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. М.: ИГ РАН, 2007. 23 с.
5. Гармаев А. Нравственная психология и педагогика. Сел. Решма. Иванов. обл.: Изд-во. Макариев-Решемской Обители, 1999. Вып. 49. 145 с.
6. Громыко М. М. Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиции // Сов. этнография. 1984. № 5. С. 70–80.
7. Гумилев Л. Н. Этносфера: История людей и история природы. М.: Экспресс, 1993. 544 с.
8. Гуревич А. Я. Историческая наука и историческая антропология // Вопросы философии. 1988. № 1. С. 56–70.
9. Додонов Р. А. Этническая ментальность: опыт социально-философского исследования. Запорожье: РА Тандем-У, 1998. 205 с.
10. Калущков В. Н. Основы этнокультурного ландшафтоведения: Учебн. пособие. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2000. 96 с.
11. Клоков К. Б. Традиционное природопользование народов Севера: концепция сохранения и развития в современных условиях // Этногеографические и этноэкологические исследования. СПб: Изд-во НИИ Географии СПбГУ – ИПЭЭ РАН – ЦСБГЗ, 1997. Вып. 5. 44 с.
12. Кондрашов В. А. Новейший философский словарь. Ростов н /Д.: Феникс, 2005. 668 с.
13. Крупник И. И. Арктическая этноэкология. М.: Наука, 1989. 272 с.
14. Лурье С. В. Историческая этнология. М.: Аспект-Пресс, 1997. 445 с.
15. Маретин Ю. В. Опыт стадийно-генетической типологии общины // Проблемы аграрной истории (с древнейших времен до XVIII в.). Ч. I. Минск: Университетское, 1978. С. 110–118.
16. Ракитянский В. Аксиоматика традиционализма. 2004. <http://prometa.ru/projects/>
17. Савицкий П. Н. Степь и оседлость // На путях. Кн. 2. Берлин: Евразийское изд-во, 1922. С. 341–356.
18. Словарь бизнес-терминов. <http://dic.academic.ru>
19. Словарь по экономике и финансам. <http://slovari.yandex.ru>
20. Соколова З. П. Культ животных в религиях. М.: Наука, 1972. 216 с.
21. Старковский В. Оправдание веры. <http://azbyka.ru>
22. Топоров В. Н. Эней – человек судьбы. М.: Радикс, 1993. 208 с.
23. Урманцев Ю. А. Начала общей теории систем // Системный анализ и научное знание. М.: Наука, 1978. Т. 39. С. 7–41.
24. Федер Е. Фракталы. М.: Мир, 1991. 254 с.
25. Фокина О. В. Некоторые методологические проблемы исторической психологии. Историческое познание: традиции и новации. // Тез. Междунар. теорет. конф. Ижевск: Изд-во Удмуртского университета, 1993. Ч. 2. С. 238.
26. Хиценко В. Е. Самоорганизация систем: становление теории, основные результаты и проблемы // Самоорганизация и динамика геоморфосистем / Матлы XXVII Пленума Геоморф. комис. РАН. Томск: Изд-во Ин-та Оптики атмосферы СО РАН, 2003. С. 19–24.
27. Чернявская Ю. В. Народная культура и национальные традиции. Минск: Харвест, 1998. 172 с.
28. Элиаде М. Священное и мирское. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1994. 144 с.
29. Юнг К. Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс СП “ИВО–Сид”, 1991. 304 с.
30. Ямсков А. Н. Критерии традиционности современной хозяйственной деятельности коренных народов Крайнего Севера // IX Конгресс этнографов и антропологов России: Тез. докл. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2011. С. 271.

Ethnical Mentality and Natural Resource Use

A. R. Bubnova

*Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
e-mail: azbubnova@mail.ru*

The terminological fundament and meaning of terms of ethnical mentality and traditional use of natural resources are considered. The author believes that, similar to any other derivatives of ethnic tradition, ethnic mentality is profoundly archetypical and is filled with sacral meaning. It is demonstrated that, on the one hand, ethnic mentality is one of the factors of the development of traditional use of natural resources, and on the other hand, traditional use of natural resources is one of the leading driving forces in the evolution of the ethnic mentality. The systemic characteristics and elemental composition of ethnic mentality and traditional use of natural resource are discussed. The author believes that ethnic mentality and traditional use of natural resources are two aspects of interaction between humans and nature being also a result of this interaction. Ethnic mentality provides grounds for the aesthetical, ethical, and spiritual entrance of humans into nature and reunion with it. Traditional use of natural resources is historically established and verified relationships between a human society and its geographic environment. This interaction results not only in a material world but also in a spiritual world of the local evolution of ethnic communities, for which the geographic environment not only serves as a sphere of development of all forms of their spatial organization and a source of natural resources to maintain living activity but also largely predetermines the type of farming, habits, and customs of the humans. Ecological ethics in the present and future should thus be based on the originally nature-protecting traditional ethnic mentality and rational use of natural resources. The core of the latter should consist of traditionally established and historically verified traditional use of natural resources.

Keywords: ethnic mentality, traditional use of natural resources, geographic environment, traditional culture, ethnos, ethnic tradition, archetypes, meaning, sacred, theory of systems, composition laws, ecological ethics.

doi:10.15356/0373-2444-2016-5-119-128